

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦІЯ.

Кѣмъ и какъ создана эта страна - великанъ, Россійская Имперія. не имѣющая себѣ равныхъ не только по сплошь занимаемому мѣсту на картѣ. но и по разнообразію, — то сказочному богатству, то суровой убогости. — природныхъ условій? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ почти двѣнадцативѣковая колонизаціонная работа, органически связавшая русскою культурою Мурманскъ съ Памиромъ и Тихимъ Океаномъ. Бѣлое море — съ Чернымъ.

Работа эта еще далеко не закончена. И вдумчивая оцѣнка ея даетъ слѣдовательно не только ключъ къ пониманію прошлаго, но и позволяетъ намѣтить тѣ вѣхи. по которымъ *будутъ* проложены пути *грядущей* Россіи. —

Изъ всѣхъ европейскихъ народовъ восточнымъ славянамъ, впоследствии ставшимъ «русскими», досталась на зарѣ исторіи самая незавидная доля. Земли приморскія, земли удобныя и природой защищенныя, не говоря уже о жемчужинахъ благодатнаго юга, оказались крѣпко занятыми тогда, когда появились они на предгорьяхъ Карпатъ. И сосѣди, ранѣе осѣвшіе на этихъ земляхъ приняли ихъ враждебно: сразу же стали тѣснить на востокъ и на сѣверъ. тогда какъ славяне съ самаго начала стремились на западъ и югъ. къ морю и солнцу. туда же, куда стремились и всѣ ихъ болѣе счастливые соперники.

Итъ возможности опредѣлить, какова была по началу живая сила русскаго народа. Но если даже основываться на гораздо болѣе позднихъ данныхъ, достаточно уже надежныхъ, то окажется, что въ 1648 г., когда русская колонизаціонная волна, пробѣжавъ около 10 000 верстъ, докатилась до самой крайней точки своего проникновенія на востокъ. — мыса Дежнева. — численность населенія Россіи приближалась къ 12 милліонамъ. Въ то же время Франція уже насчитывала около 19 милліоновъ.

Русскому движенію на Дальній Востокъ можетъ быть противопоставлено по стихійной мощности только сѣвероамериканское движеніе на «дальній западъ». Но и это послѣднее (растянувшееся примѣрно на 5 000 верстъ) происходило въ XIX вѣкѣ и стало быстро развиваться только тогда, когда по рѣкамъ поплыли пароходы, а по желѣзнымъ колеямъ побѣжали паровозы. А главное: оно питалось непрерывнымъ притокомъ извнѣ свѣжей силы со всеі Европы. За столѣтіе, по даннымъ американской статистики, въ сѣверную Америку переселилось такимъ образомъ свыше 38 милліоновъ отборныхъ искателей счастья и приключеній. Русская же колонизація, колонизація *внутренняя*, протекавшая съ наибольшимъ напряженіемъ задолго до примѣненія силы пара. — происходила въ странѣ, которая всегда остро «болѣла безлюдьемъ».

Русская колонизація вылилась въ движеніе сознательно направленное къ опредѣленнымъ цѣлямъ только къ XVIII в., когда по почину Петра Великаго правительственная власть принялась дѣятельно руководить заселеніемъ огромныхъ пространствъ, уже занятыхъ вплоть до Ледовитаго и Тихаго океановъ, и способствовать ему. До тѣхъ поръ бессознательная, стихійная тяга русскаго народа на сѣверъ, на югъ и востокъ являлась, по существу своему, продолженіемъ того первичнаго расселенія по «великому водному пути изъ варягъ въ греки», про которое Соловьевъ сказалъ: «тихо и незамѣтно проходило оно для исторіи, потому что здѣсь было не завоеваніе одного народа другимъ, а *мирное занятіе земли, никому не принадлежавшей*».

Вызванная къ жизни и направляемая въ теченіе многихъ столѣтій стремленіемъ населенія уйти отъ опасностей, укрыться за естественными гранями; шедшая до XVIII вѣка неизмѣнно по пути наименьшаго сопротивленія, русская колонизація проявлялась такимъ образомъ не въ распространеніи господства надъ чужеродными племенами, а въ овладѣніи пространствомъ большею частью пустыннымъ. *Ея стихія* — не въ борьбѣ съ людьми, а въ *преодолѣніи безлюдья*. Осмысленная исканіемъ безопасности, она являлась процессомъ *органическимъ, естественнымъ и необходимымъ*. Она была дѣломъ *всенароднымъ*, свидѣтельствующимъ объ *историческомъ чутьи* и *государственныхъ задаткахъ* у того, тогда сравнительно малочисленнаго, основнаго русскаго ядра, которое сумѣло

выдѣлить достаточно энергіи и предприимчивости, чтобы создать въ крайне неблагоприятныхъ условіяхъ государство — «одну шестую часть суши», съ его «неисчислимыми природными богатствами» и съ населеніемъ, достигающимъ даже послѣ всѣхъ произведенныхъ надъ Россіей за послѣдніе лихіе годы перекроекъ — 150 милліоновъ душъ (вмѣсто 12 милліоновъ послѣ смутнаго времени). —

Первымъ колонизаторомъ, съ самаго основанія русскаго государства, когда земля «великая и обильная» только начала заселяться. — былъ *удѣльный князь*. Онъ строилъ города-укрѣпленья, укрывая и привлекая къ нимъ засельниковъ всякими льготами. Онъ заботился о хозяйственномъ благополучіи жителей, дорожа ихъ присутствіемъ въ своемъ удѣлѣ. Особенно отличались въ этомъ отношеніи князья Владиміро-Суздальскіе, къ которымъ поэтому и валило населеніе, спугнутое уже въ XII вѣкѣ со степи одолѣвавшими кочевниками — печенѣгами и половцами. Въ ихъ разумной и удачливой колонизаціонной политикѣ лежитъ одна изъ причинъ усиленія и значительнаго культурнаго расцвѣта этой области передъ самымъ нашествіемъ татаръ. Тою же хозяйственной заботливостью о населеніи объясняется выдвигеніе и ростъ Московскаго княжества, уже при татарахъ.

Боярскимъ и торговымъ людямъ, — новгородцамъ. — принадлежитъ первенство въ заселеніи Поморья и въ продвиженіи къ Ледовитому океану, въ погонѣ за товарами для новгородскаго обмѣна. «Терпя пужду на своей неродимой землѣ, тянулись они съ XII вѣка за богатствомъ на далекій сѣверъ, съ великими усиліями проложивъ туда нѣсколько путей» (Платоновъ). За ними шли уже другіе поселенцы: — монахи и крестьянинъ.

Монашеская колонизація, развившаяся въ XIV вѣкѣ, въ пору бѣдствованія отъ татаръ, характерна тѣмъ, что здѣсь двигательной силой служило стремленіе уйти отъ заселенныхъ мѣстъ въ «пустыню», въ поискахъ мира духовнаго. Пустынные обители, искательницы безмолвія и тишины, пошли отъ Троице-Сергіевскаго монастыря развѣтвленіями-колоніями по рѣкамъ Костромѣ, Шекснѣ. Вычегдѣ къ Бѣлому озеру, а затѣмъ перекинулись далѣе на Соловки, по Бѣлому морю въ бассейнъ рѣки Онеги. «Это движеніе, — говоритъ Ключевскій. — имѣло очень важное значеніе въ древне русской ко-

лонизаціи. Монахи расчищали лѣсъ, разводили огороды, пахали, какъ и крестьяне. Вокругъ монастыря образовывались мірскія крестьянскія селенія. Такимъ образомъ движеніе пустынныхъ монастырей есть движеніе будущихъ сельскихъ приходовъ, которые въ большинствѣ были первыми въ своей округѣ».

Но настоящимъ закрѣпителемъ занятыхъ пространствъ, гдѣ бы они ни лежали, на дальнемъ сѣверѣ или востокѣ, являлся *крестьянинъ-хлѣбопашецъ*. Тамъ, гдѣ онъ осѣдалъ, — независимо отъ долготы и широты, — рѣшительно и прочно основывалось русское колонизаціонное движеніе: «Всюду, гдѣ было брошено хлѣбное зерно свободнаго пришельца-землевладельца, — тамъ русское господство развивалось и укрѣплялось навсегда» (П. Головачевъ «Сибирь»).

Такимъ образомъ, съ самыхъ древнихъ временъ русскими колонизаторами были: *власть, служилые и торговые люди, монахи и крестьянинъ*. Двигательными силами въ ихъ продвиженіи являлись: исканіе безопасности и счастья на новой землѣ, — поиски товаровъ и уединенія. И во всѣхъ случаяхъ средствомъ для закрѣпленія владѣнія и господства надъ захваченными землями являлся упорный, хотя и «незамѣтный для исторіи», *мирный, осыдлый трудъ*. Вотъ почему главнымъ и рѣшающимъ элементомъ въ русской колонизаціи являлись не руководители, не высшіе классы, а народные низы. *Не мечомъ, а зерномъ закрѣплялись за Россійской Имперіей ея «неисчислимыя богатства»* на протяженіи десятковъ тысячъ верстъ.

Съ XVIII вѣка въ связи съ постепеннымъ закрѣпощеніемъ крестьянства и появленіемъ раскола, въ колонизаціонномъ движеніи принимаетъ все большее участіе новая сила — всевозможная «вольница», бѣжавшая на разныя «украины» въ погонѣ за свободной жизнью—«воровскіе» и «гулящіе» люди, «землепроходцы» и «бродники». Ими пополнялось *казачество*, сыгравшее видную роль при овладѣніи Сибирью.

Мирное продвиженіе въ Сибирь наблюдается уже въ XVI в., когда русскіе люди, въ погонѣ за цѣннѣйшими мѣхами доходили до мѣстности, называвшейся Мангазеею и лежавшей между низовьями Енисея и Обской губой. Паденіе Казани въ 1552 г., — послѣдней татарской твердыни, преграждавшей широкій путь на востокъ — усилило и облегчило это продвиженіе.

А предприимчивость даровитыхъ русскихъ купцовъ XVI вѣка, — Строгановыхъ, и подвиги первыхъ казачьихъ атамановъ Ермака и Кольца, увлеченныхъ Сибирью, указали ихъ преемникамъ новые пути проникновенія на Дальній Востокъ, открывшійся съ разгромомъ Орды.

Быстрота, съ которою какимъ-то вихремъ пронеслись преемники Ермака, казачьи добровольцы-охотники отъ Урала до Тихаго океана, прямо изумительна. Въ 1581 году погибъ Ермакъ. А въ 1602—1604 г. тобольскіе казаки уже плывутъ по притокамъ Оби, Кати и Томи; въ 1632 г. доходятъ до Лены, по которой продвигаются съ верху — до низу. Въ 1648 г. казакъ Пояровъ, а въ 1647 г. Хабаровъ достигаютъ Амура; въ 1639 г. Иванъ Москвитинъ съ томскими казаками появляется на Тихомъ океанѣ, а казакъ Семень Дежневъ въ 1648 г. погибаетъ будущій Беринговъ проливъ.

Весь длинный путь отъ Камы до Тихаго океана былъ слѣдовательно продѣланъ въ какіе-нибудь полъ вѣка (1581—1639), при томъ съ трудностями, прямо неописуемыми.

Но не эта безпримѣрная во всей исторіи человѣчества *казачья удаля* рѣшила судьбы Сибири. Продвигаясь быстро и смѣло съ горсточками храбрецовъ-охотниковъ по теченію рѣкъ, порою прямо наугадъ, казаки только выполняли, временами съ неравнымъ боемъ, задачу *развѣдчиковъ*. За ними слѣдомъ посылались Москвою *воеводы и дружины*. Затѣмъ, тою же властью посылались государственные «хлѣбопашенные» *крестьяне*, первая партія которыхъ, въ 30 семействъ, была направлена изъ Сольвычегодска въ 1590 г. Но и правительственная власть была еще въ то время слишкомъ слаба (особенно послѣ смутнаго времени), чтобы вести дѣло колонизаціи планомерно и слѣдовательно и планомерно. Не она руководитъ движеніемъ, а *движеніе ея*.

Истинными засельниками Сибири долгое время являлась та *безымянная вольница*: бѣглецы крестьяне, преступники, сектанты, что скоплялись въ XVI и XVIII вѣкахъ на сѣверовостокѣ и на южномъ Уралѣ; землепроходцы, которые уходя отъ крѣпостной земли, уносили съ собой мысль о «проездываніи новыхъ земель». Безъ этого людского потока, сильнаго не столько числомъ, сколько энергіей, — русская правительственная власть до Петровскаго времени оказалась бы не въ

силахъ справиться съ сибирскими необъятными пространствами, освоить и осилить этотъ суровый край.

Геній Петра немедленно сказывается и въ области колонизаціи. Съ его легкой руки начинается научное обследованіе Сибири. Въ 1720 г. снаряжается экспедиція Мессершмидта, а затѣмъ Беринга. Последнему, между прочимъ, поручается завести хлѣбопашество въ Охотскѣ. Затѣмъ въ 1733—38 г.г. отправляется Камчатская экспедиція, стоившая жизни Берингу и Деллилю: въ 1740 г. — Палласовская; въ 1774 г. Лешехинская. Всѣ эти опасныя научныя предпріятія, требовавшія самоотверженнаго, настойчиваго труда, стоившія здоровья, а иногда и жизни изслѣдователямъ, составляютъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ сибирской исторіи. Огромное значеніе ихъ въ томъ, что, начиная съ Петра, разрозненные, случайныя усилія отдѣльныхъ русскихъ людей получаютъ со стороны власти поддержку, которая выражается прежде всего въ *научной* постановкѣ руководства всѣмъ движеніемъ.

Петру Великому принадлежитъ починъ и въ оказаніи планомѣрной *военной* поддержки русскому колонизаціонному движенію, достигнутому къ концу XVIII вѣка предѣловъ возможнаго распространенія по линіи наименьшаго сопротивленія. Уже въ 1652 г. собранный Хабаровымъ отрядъ охотниковъ натолкнулся при Амурѣ на высланныя китайскимъ богдыханомъ маньчжурскія войска. Въ 1689 г. по Нерчинскому договору Россіи пришлось уступить Китаю почти весь захваченный Амурскій участокъ. На Алтайскомъ направленіи русскіе засельщики къ тому же времени также встрѣтились съ упорнымъ и опаснымъ противодѣйствіемъ киргизовъ - кочевниковъ, пришедшихъ въ этотъ краѣ на смѣну татарамъ.

Петръ, возстановившій своими Азовскими походами, а затѣмъ походами на Хиву и Персію, русское продвиженіе на югъ и юго-востокъ. — понялъ, что безъ помощи регулярной военной силы дальнѣйшая колонизація не только должна будетъ приостановиться, но что и достигнутое уже — окажется подъ прямой угрозой, какъ въ Киргизскомъ краѣ. Поэтому наряду съ упомянутыми походами Петръ начинаетъ проводить въ Степной области «линіи» крѣпостей. Съ тѣхъ поръ русская колонизація перестаетъ быть мирнымъ расселеніемъ и становится завоевательнымъ: она начинаетъ походить на колони-

зацію европейскихъ державъ, выражающуюся въ *установленіи господства* надъ покореннымъ населеніемъ.

Но къ этому времени на сѣверѣ и востокѣ, на десятки тысячъ верстъ были достигнуты уже *естественныя грани*: — моря и горы. Была закрѣплена на большомъ протяженіи наша теперешняя граница съ Китаемъ. И эта многовѣковая работа по установленію государственной границы на природныхъ рубежахъ была выполнена *самимъ народомъ*, не подгоняемымъ властью, а наоборотъ, толкавшимъ власть впередъ. Самъ народъ на протяженіи столѣтій *самотекомъ* растекался по необъятнымъ російскимъ равнинамъ. Служилые люди и «воры», казачья вольница и духовенство, преступники и аскеты. — вотъ кто, двигаясь впередъ то къ безопасности, то къ простору и волю, то къ уединенію. — являлся тѣми «имперіалистами», что сдѣлали возможнымъ расширение російскаго государства до предѣловъ, въ которыхъ оно стало въ 1721 г. *Имперіей*.

Образчиками имперской «завоевательной» колонизаціи въ Европейской Россіи явились Новороссія и Бессарабія. Въ 1783 году былъ присоединенъ Крымъ. А менѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ, въ плодороднѣйшихъ пустыряхъ, гдѣ подъ высокимъ покровительствомъ Блистательной Порты, поддержанной всею Европою, промышляли недобрымъ дѣломъ кочевники: гдѣ красовались вскорѣ знаменитыя «Потемкинскія деревни» (оказавшіяся быстро превзойденными дѣйствительностью), была создана богатѣйшая житница, съ оборудованными портами, желѣзными дорогами, съ земствомъ и университетомъ. То же произошло позднѣе съ Бессарабіей, которую изъ дикой пустыни за нѣсколько десятилѣтій русская колонизація (уже энергично руководимая властью) превратила въ цвѣтуцій хлѣбородный садъ.

Завоеваніями Имперіи въ Азіи (помимо Пріамурья и Приморья), явились наши *средне-азиатскія владѣнія*, упершія Россію въ Памиръ. Они перемѣстили нашу государственную границу въ этомъ отрѣзкѣ изъ незащищенныхъ стѣней на трудно преодолимыхъ *природныхъ загражденіяхъ*. Стремленіе опереться на нихъ являлось главнымъ побужденіемъ въ движеніи. Но нельзя не отмѣтить, что это движеніе опредѣлилось и особенно усилилось, выразившись въ рядѣ героическихъ походовъ, съ тѣхъ поръ и въ мѣру того, какъ Европа, въ своемъ стремленіи «поддержать равновѣсіе», нанесла Россіи рядъ

серьезныхъ дипломатическихъ и военныхъ пораженій (крымская кампанія, берлинскій конгрессъ) на ея естественномъ и исконномъ пути къ европейскому югу.

«Провиденціальной миссіей Россіи явилась колонизація среди полу-варварскихъ народовъ азіатскаго континента. И въ этомъ отношеніи русскій народъ достигъ выдающихся успѣховъ. Русскій человѣкъ идеальный колонистъ. Какъ колонистъ - земледѣлецъ онъ никѣмъ не превзойденъ»—такъ отзывается иностранецъ, другъ Россіи (г. Саролеа). А вотъ въ какихъ выраженіяхъ говоритъ о нашей средне-азіатской (военной) колонизаціи лордъ Керзонъ, недоброжелательное отношеніе котораго къ Россіи достаточно извѣстно: «Добродушіе и терпимость покорителей пересилили предубѣжденіе покоренныхъ. Никогда Англіи не удавалось превращать такъ удачно своихъ бывшихъ враговъ въ сотрудниковъ». И *никогда*,—надо добавить. — *русская власть не возводила въ систему различіе по цвѣту кожи*, лишая инокожныхъ покоренныхъ самыхъ основныхъ *правъ* общежитія передъ лицомъ бѣлыхъ покорителей. Если у русской власти въ данной области встрѣчались и ошибки, порою очень прискорбныя, — то онѣ вытекали изъ случайныхъ злоупотребленій, а не изъ системы классификаціи людей по цвѣту кожи, совершенно чуждой русскому человѣку

Русская колонизація, до середины XVIII вѣка, являвшаяся процессомъ мирнаго и органическаго проникновенія, заполненія захваченныхъ ею пустынныхъ пространствъ русскимъ содержаніемъ, русскою культурою. — *осталась такою же до конца*; даже тогда, когда ей пришлось принять нѣкоторыя черты, вытекающія изъ государственнаго господствованія. Вслѣдъ за завоеваніями мирно вливалась русская стихія, постепенно проникая и *сливаясь со стихіей туземною*. Разумные представители власти этому немало способствовали, неразумные — мѣшали. Но измѣнить вѣкового уклада русской колонизаціи, сложившагося въ условіяхъ мирнаго проникновенія, — они *не могли*.

Трудно въ немногихъ словахъ подвести даже бѣглые итоги тѣхъ культурныхъ достиженій, къ какимъ привело распространеніе русскаго колонизаціоннаго движенія на «одну шестую часть суши». изъ которой, — не надо этого забывать, — *очень значительная доля приходится на совершенно непригодныя для культуры пространства*.

Самымъ характернымъ является какъ разъ то, что при приобщеніи этихъ пространствъ къ культурѣ русской колонизаторъ *не останавливался ни передъ какими препятствіями. Казачьей удали* и самоотверженнымъ трудамъ *русскихъ ученыхъ* нисколько не уступали и *русскіе инженеры* — строители путей сообщенія, которымъ выпала главная заслуга въ дѣлѣ преодоленія пространствъ и безлюдья.

Постройка въ 1850 г. генераломъ Анненковымъ, въ знойной пустынѣ, въ безводныхъ сыпучихъ пескахъ *Закаспійской* жел. дороги, «одного изъ тѣхъ сооруженій нашего времени, что наиболѣе способствовали цивилизаціи» (по отзыву иностранца).— постройка, явившаяся съ технической точки зрѣнія совершенно исключительной. Прокладка *Великаго Сибирскаго пути* и *Восточно - Китайской жел. дороги* (подъ вліяніемъ которой населеніе Маньчжуріи съ полутора милліоновъ увеличилось до 12) — общимъ протяженіемъ около 10 000 верстъ. Наконецъ, осуществленная уже во время войны постройка *Мурманской* жел. дороги, самой сѣверной въ мірѣ, за полярнымъ кругомъ, въ царствѣ вѣчной ночи и мерзлоты, въ совершенно невѣроятныхъ по трудности техническихъ условіяхъ. Таковы главнѣйшія изъ сооруженій — образцы русскихъ достиженій.

«Когда на берегу Ледовитаго океана засвиститъ наконецъ первый паровозъ. — Россія въ правѣ будетъ заявить, что *ею исполнена еще разъ титаническая работа*», — писалъ англійскій «Таймсъ» въ 1915 году. Русскій паровозъ уже въ 1916 г. засвистѣлъ на берегахъ Ледовитаго океана. Русская техника, въ лицѣ строителя Мурманской жел. дороги, инженера В. В. Горячкова, *поставила свой міровой рекордъ* въ дѣлѣ приобщенія къ культурѣ самыхъ дикихъ, самыхъ недоступныхъ мѣстностей. Исторія этой постройки, проложившей около 250 верстъ желѣзной колеи по сплошнымъ и непроходимымъ болотамъ, выполненной къ тому же въ необычайно короткій срокъ, послѣ того какъ лучшіе иностранные спеціалисты оказались вынужденными отказаться отъ нея. — является показателемъ того, что дала уже въ прошломъ и что сможетъ принести еще въ будущемъ русская колонизація. Ни вѣчный мракъ полярной ночи, ни непроходимыя топи и лютые холода, ни безводные пески не могли остановить распространенія русской колонизаціи и культуры, которая въ противоположность рядо-

вѣду колонисту — шла обычно по линіи наибольшаго сопротивленія.

Русскому народу всячески преграждали путь въ его разпространеніи къ благодатному югу: — путь, который его всегда манилъ. По нуждѣ, но волѣ враждебныхъ силъ русской народъ долженъ былъ безъ конца двигаться отъ очаговъ культуры въ непроходимыя дебри. Но въ эти дебри онъ неизмѣнно переносилъ съ собою очаги культуры.

Не счесть усилій и жертвъ, потраченныхъ поколѣніями русскихъ людей на эту неблагодарную, часто невидную работу. Не счесть и той пользы, тѣхъ всходовъ на хорошо уже подготовленной почвѣ, какіе должны принести Россіи въ будущемъ эти труды и эти жертвы, — при условіи, конечно, что новыя поколѣнія поймутъ и оцѣнятъ, сберегутъ и используютъ преимущества, созданныя безвозвратно ушедшими . . .

Упорною, героическою работою милліоновъ тружениковъ созданы грани великой Россіи, отрывающія безпредѣльныя возможности для хозяйственной предприимчивости и мирнаго производительнаго труда. Отъ будущихъ работниковъ зависятъ использовать къ обоюдной выгодѣ всѣхъ размѣстившихся за этими гранями племень и народностей огромныя богатства русскаго Сѣвера и Юга, Востока и Запада, органически связанные воедино русской колонизаціей.

Б. Никольскій.
